

Клаудия Кривеллер

М. Спивак, Е. Наседкина (сост.), *Смерть Андрея Белого (1880-1934), Сборник статей, Документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты*, Новое литературное обозрение, М., 2013, с. 968.

В 69-летие смерти Андрея Белого в 2013 г. вышел масштабный тематический сборник, посвященный кончине русского писателя-символиста. На его страницах мемуарная литература, состоящая из эгодокументов разных жанров (некрологи, письма, дневники, воспоминания, эпитафии), связывается с художественными произведениями (главным образом, стихами поэтов-модернистов). В центре внимания исследователей – трагическая судьба Белого.

Книга содержит пять разделов, в которых составители реконструируют последние дни жизни Белого, приводят официальные извещения и соболезнования, опубликованные в СССР и других европейских странах, дневники, письма, мемуары, посвящения и реплики соотечественников и эмигрантов. Графические зарисовки и посмертные маски собираются и комментируются в последней части.

В первом разделе (*Хроника умирания*) на основе неопубликованных дневников Белого, мемуаров его жены, Клавдии Бугаевой, и воспоминаний Любви Красильщик, ближайшей подруги Бугаевой и антропософки, представлена хроника болезни и умирания писателя. Объективная и детальная информация проясняет вопрос о смерти писателя, вокруг которой, как показано дальше в книге, развилась мифология, затуманившая реальные события на долгое время.

Во втором разделе (*Поминовение по-советски*) Е. Наседкина собирает официальные извещения и соболезнования, опубликованные в советской печати. Ядром раздела и, в более широкой перспективе, первым важным аспектом трагической судьбы Белого является полемика, развитая вследствие публикации знаменитого некролога, подписанного Пильняком, Пастернаком и Санниковым, в «Известиях» от 9 января 1934 г. В нем авторы с одной стороны называют Белого “гением” русской литературы, а с другой – “советским писателем”. В *Послесловии* к тексту М. Спивак поднимает знакомый вопрос о личном вкладе каждого автора, сравнивая

опубликованную работу с новонайденным автографом некролога. Анализ вариантов текста является значительным вкладом не только в беловедение, но и в изучение истории русской и советской литературы и культуры 30-х гг. В своей большой статье-предисловии к сборнику, Спивак глубже рассматривает данный вопрос и показывает, как авторы некролога были наказаны за их переоценку Белого, расцененную советскими властями не как литературный акт, а скорее как политическую ошибку, “почти преступление” (с. 44).

Второй вопрос, поставленный Спивак, касается создания Белым литературной школы, которая, по мнению авторов некролога, включала в число наследников Белого даже Джойса, сравнение с которым в работе, появившейся только в 1955 г., проводит, как известно, Евгений Замятин впервые поместивший имя русского писателя-символиста в международный контекст (ср. статьи Ф. Винокурова). Далее Спивак показывает советскую реакцию на панегирик трех русских писателей, предлагая читателю разные “правильные” с точки зрения официальной линии партии некрологи, появившиеся в печати в последующие дни. В них аннулируется идея о школе и подчеркиваются чудачество, фобии и мании Белого. Представляется интересной мысль ученого о том, как некролог и отклики на него повлияли на организацию похорон, официальные выступления деятелей партии и других литераторов, а также на попытки организации (несостоявшихся) мероприятий по увековечению памяти писателя.

В третьем разделе (*Взгляд из России: дневники, письма, мемуары, посвящения, реплики*) содержится ряд эгодокументов близких к Белому людей, которые хранятся в публичных и частных архивах. В первую очередь надо упомянуть интимные и эмоциональные письма жены Клавдии Бугаевой вдове Волошина, в которых две подруги разделяют горе от потери мужей; письма к подруге Елене Невейновой, антропософке, у которой остался после смерти Бугаевой ее архив и личное имущество; письма к Борису Томашевскому и его жене; записи Бугаевой 1934-1935 гг. о литературе, последней встрече с Брюсовым в Коктебеле, о муже, его излюбленных иностранных словах, разговорных выражениях, пословицах.

Публикуются также стихи помощника и литературного секретаря Белого Петра Зайцева, посвященные писателю; отрывки из переписки Зайцева с Лидией Калинкой, антропософкой и Еленой Кезельман и записи 1934-1935 гг., в которых Зайцев очень детально

описывает события декабря 1933 г., последние дни жизни Белого и первые – после его смерти, когда Зайцев продолжал вести дела писателя. Далее читателю предлагаются следующие документы: письмо Бугаевой к поэту и прозаику Сергею Спасскому, на которого Белый оказывал сильное и долгое художественное влияние; записи из его дневника 1933-1934 гг.; записи из дневника 1934 г. поэта и прозаика Ефима Вихрева, в которых описывается панихида; трогательные стихи, посвященные Белому в Калымской ссылке Ниной Гаген-Торн, бывшей его ученицей, в чьей жизни Белый занимал особое место; ее записи о панихидах и воспоминаниях о встречах с писателем; письма Иванова-Разумника к Бугаевой, к своей супруге (из которых просматривается сложное отношение к Белому как человеку, но вместе с тем – уважение к его творчеству), к близкому другу и литературному критику Аркадию Горнфельду, в которых Иванов-Разумник выражает свою симпатию к произведениям Белого, несмотря на встречающиеся в них художественные провалы и слабости. Интересны письма к Пришвину из Саратова, где Иванов-Разумник жил, когда Белый умер, и записи самого Пришвина из дневников 1932-1942 гг. Как подчеркивает Спивак, Пришвин считал Белого гением, но не разделял, как и многие другие, его антропософские увлечения.

Осип Мандельштам посвятил Белому памятный цикл (*На смерть Андрея Белого, Утро 10 янв(аря) (19)34 года, 10 января 1934, Воспоминания*), начатый после похорон и заверченный в ссылке (1935 г.). В связи с тем, что работа над текстами была не для печати, остаются вопросы о полном корпусе текстов. Спивак с особой филологической точностью реконструирует источники образов стихотворений Мандельштама и их связь с аргонавтическими произведениями Белого, представляет неопубликованные стихи и варианты работ Мандельштама. Его памятный цикл является значительным вкладом в изучение литературы той эпохи, он густо насыщен аллюзиями на произведения Белого и, кроме того, в стихи введены многочисленные реалии похорон.

В разделе публикуются также короткие отрывки из переписки с семьей Павла Флоренского; отрывки из *Воспоминаний* художника Петрова-Водкина и автограф его письма к Бугаевой; отрывки воспоминаний и дневниковые записи людей не из ближайшего окружения Белого, таких как Александр Гладков, драматург и киносценарист, сотрудничавший с Мейерхольдом, группы антропософов и теософов, таких как Екатерина Зеленецкая и Зоя Кананова, нако-

нец, поклонников (как молодой поэт Лев Тарасов) и даже незнакомых людей.

Стоит подчеркнуть многочисленные реплики из личных документов: телеграмм, дневников, записных книжек, переписки и мемуаров с траурными размышлениями литераторов и других деятелей в области литературы, крупных и второстепенных, как В. Зощенко, Б. Садовского, Ю. Слезкина, Е. Булгаковой, Е. Галицкой, В. Горбачевой (Клычковой), А. Остроумовой-Лебедевой, Н. Эрдмана, Е. Корольковой, Н. Чулкова, А. Цветаевой, О. Мочаловой, Е. Огневой. Среди них публикуются письма Бенедикта Лившица, который лично не был знаком с Белым, к Михаилу Зенкевичу. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на личные антипатии и споры, все признают лидирующую роль Белого в русском литературном контексте. Воспоминания и личные письма подчеркивают его значимость в своем поколении и заставляют думать о том, что со смертью Белого закончилась эпоха. Для многих он был чужд по духу и стилю работы; его мистицизм и истерия некоторых отталкивали. Однако все признают оригинальность его литературного дарования.

В конце раздела в хронологическом порядке представлены письма, мемуары и стихи, посвященные Белому через 25, 30 и 40 лет со дня смерти (в том числе литературоведов Леонида Гроссмана и Наума Берковского), которые, по словам искусствоведа и поэтессы Елены Огневой, показывают, что Белый нашел “читателей в потомстве” (с. 454).

Четвертый раздел (*Взгляд из-за границы. Русская эмиграция и зарубежная печать*) знакомит читателя со вторым значительным аспектом кончины Белого, настоящей мифологизацией, созданной главным образом в эмиграции, чье эхо дошло до Советского Союза. Здесь приведены уже известные материалы (вместе с подробными комментариями и послесловиями), опубликованные русскими эмигрантами в Париже начиная с 1934 г. и отражающие отношение представителей диаспоры к писателю, с которым некоторые из них были тесно связаны. Они отказались от определения Белого как советского писателя и творца социалистической культуры, считая его гениальным представителем русского символизма.

Печатаются некрологи и воспоминания, появившиеся в 1934 г. в Париже, Берлине и других европейских странах после того, как вести о смерти Белого распространились среди эмигрантов. Стоит

упомянуть, например, мемуарный очерк Михаила Осоргина, автора первого некролога Белому в эмиграции, опубликованного в «Последних новостях», и материалы Владислава Ходасевича, а также три письма к нему от Белого, появившиеся в «Современных записках». Для автора *Некрополя* (одна из глав которого посвящена Белому) писатель был настоящим гением, который прямо и косвенно повлиял на всю русскую литературу.

Представленные дальше работы, которые, как детально показывает Спивак в *Предисловии*, продолжая свою монографию *Андрей Белый – мистик и советский писатель* (2006), создали миф о смерти Белого “от солнечных стрел”, по пророческому стихотворению поэта *Друзьям* (1907). Первым намекал на ‘пророческое’ значение стихотворения Белого Ходасевич. Вслед за ним продолжала мифологизацию смерти писателя Марина Цветаева в своей известной работе *Пленный дух*, которую Ходасевич считал “живописным портретом” исключительной силы и схожести, как напоминает в *Послесловии* Мнухин. Из эгоматериалов Цветаевой, писем и записей, собранных Наседкиной, узнаем о памятном вечере, организованном в Париже в феврале 1934 г. Благодаря воспоминаниям и записям эмигрантов воссоздается атмосфера, в которой была встречена весть о кончине Белого. Следующими, напоминает Спивак, дали свою интерпретацию пророческого стихотворения Белого критик Константин Мочульский (1955) и писатель Борис Зайцев в журнале «Русские записки». Мифологема, созданная русскими эмигрантами уже в 1934 г., воплотилась впоследствии в художественной литературе, например, в сонете Вячеслава Иванова *Римский дневник*, написанном к десятилетней годовщине смерти (1944). Как напоминает составитель, мифологизированные тексты русских эмигрантов, иногда сомневающихся в правдивости новостей, полученных из советской прессы, не исключают достоверность сведений о смерти Белого и ее причинах.

Сонет Вячеслава Иванова анализирует Андрей Шишкин, который печатает первоначальную редакцию стихотворения. В ней ‘беловский’ слой предстает нагляднее благодаря конкретным отсылкам к стихам Белого, которые, по мнению Шишкина, преодолевая смерть, ведут к Преображению. Шишкин публикует также материалы из Римского архива Вячеслава Иванова и реконструирует реакцию Метнера, с которым Белый порвал связи в 1916 г. после своего увлечения Штейнером, на смерть писателя. Это событие находится, как и пророчество о смерти, в центре художественной ми-

фологизации (стихотворение Белого *Старинный друг* 1903 г.) и никогда не оставлявшейся Белым практики жизнетворчества.

Стоит также упомянуть и другие собранные здесь работы: статью Елены Тахо-Годи и Манфреда Шрубы о состоявшихся и несостоявшихся публикациях Степуна и Чижевского памяти Андрея Белого в «Современных записках»; мемуарный очерк Николая Оцупа, опубликованный в «Числах» в 1934 г., написанный за пять лет до смерти Белого, в котором автор осознает влияние писателя на потомков, в том числе формалистов, которые “обязаны ему своим существованием”, футуристов, которые “учились у него”, и нынешних “Пильняков” (с. 660-665), наконец, работу Георгия Адамовича, опубликованную в парижских «Встречах» в 1934 г. Как другие эмигранты, Адамович вспоминает чуждость Белого, но подчеркивает тот факт, что он был блестящим и большим писателем. Поэт и прозаик Лоллий Львов в парижском журнале «Россия и славянство» (1934) тоже считает писателя чужаком и мечтателем, но уточняет, что он не был “экс-писателем” (с. 671), так как продолжал работать до последней минуты, благодаря тому, что большевики его терпели и разрешали печататься.

Вопрос об отношении к антропософии поднимается в разных работах. Переводчица Ольга Ресневич-Синьорелли в единственном некрологе, появившемся в итальянской печати («L'Italia Letteraria», 21 января 1934), рассказывает Эльда Гаретто, спровоцировала интерес и ответ Елены Григорович, художницы, переводчицы и антропософки, тоже жившей в Италии, которая попросила уточнить отношение Белого к антропософии. Писатель, по мнению Григорович, не отрекался от антропософии и даже исповедовал открыто свое антропософское кредо, несмотря на советский запрет.

Эту тему Спивак развивает в статье, посвященной дорнахским воспоминаниям, в которые входят мемуары жены Штейнера Марии Сиверс, Наташи Тургеневой и первой жены Белого Аси Тургеневой, отличающиеся холодным, даже равнодушным тоном.

В последнем разделе (*Post mortem*) содержатся материалы, опубликованные под редакцией Наседкиной и посвященные посмертным запечатлениям Белого (маскам и зарисовкам). В конце этого раздела Наседкина публикует неосуществленный проект посмертного собрания стихотворений поэта и в качестве приложения его *Автобиографию*.

Главное достоинство рецензируемой книги – в реконструкции малоизученной части биографии Андрея Белого. Документы, со-

бранные составителями, показывают деликатную, комплексную эквилибристику Белого между новым политическим строем, антропософским кредо и символистским творчеством, эквилибристику, которая до сих пор остается загадочной для беловедов. Не менее важным является вклад исследователей в изучение жанра жизнеописания: предложен анализ разных форм и видов эгодокументов, среди которых нужно особо выделить некролог (Taylor 2001). В этом отношении, а также благодаря вполне новой и оригинальной методике работ составителей, сборник входит в контекст и научную перспективу Life Writing Studies.

Библиография

Taylor 2001: D. Taylor, *Obituaries*, in M. Jolly (ed.), *Encyclopedia of Life Writing. Autobiographical and Biographical Forms*, t. II, Fitzroy Dearborn, London, Chicago, 2001, pp. 667-668.

